АРТУР МЭЙМЭН

РАССКАЗ

Рисунки И. Блюха

Молодой негритянский писатель Артур Мэймэн — автор талантливых рассказов и статей, показывающих страшные результаты господства расистов в Южно-Африканской Республике. «Я вынужден был покинуть Южную Африку, потому что задыхался там»,— пишет Мэймэн. Сейчас он живет и работает в Гане.

Советские читатели не так давно впервые познакомились с творчеством Мэймэна — один из его рассказов был опубликован в газете «Известия».

В рассказе «Голодный» писатель показывает суровую правду жизни коренного населения ЮАР. Он смело и мужественно рисует картины нищеты, голода, вырождения, на которое обрекли африканцев расисты Фервурда.

Мэймэн не называет открыто подлинных виновников горькой участи маленького африканца и его близких. Но мы знаем их. Это белые плантаторы, владельцы рудников и фабрик, проповедники «расовой сегрегации» и апартеида, превратившие Южную Африку в громадную тюрьму для африканцев.

Но африканцы не прекращают борьбы за равенство и свободу. И как бы естественным дополнением к трагическому рассказу Артура Мэймэна звучат полные оптимизма строки его соотечественника, южноафриканского поэта Герберта Дзломо:

Рождается зародыш новой жизни —
Он все равно найдет дорогу к свету!

Мальчик переменил положение: железная стена, к которой он привалился, жгла ему руку сквозь заплату на ветхой рубашке; чуть повыше, там, где рукав был порван, жгло немного сильнее.

— Эй, Санни! Не дашь мне кусочек мяса?

Глаза отвыкли молить уже давно, много лет назад. А в голосе еще не исчезли просительные нотки. Во всяком случае — не совсем.

— Еще чего! Иди сам доставай! Что мне воровать за тебя, что ли?

Два других негритянских подростка того же возраста, сидевших чуть поодаль, — один жевал желтый кукурузный початок, а другой — синеватую сладкую картофелину — громко прыснули. Он посмотрел поверх их грязных голов на запыленную футбольную площадку. Потом глаза его снова остановились на Санни. Чем дольше смотрел он, как ритмически двигались челюсти Санни, тем острей становилась боль в пустом желудке. Он ничего не ел со вчерашнего дня. А сегодня ему что-то не везло. Не удалось поживиться ни у одного из разносчиков, продававших посетителям пивной засиженное мухами мясо, кукурузные початки и разную снедь. Может быть, не везло потому, что сегодня есть хотелось особенно сильно. Как бы то ни было, сегодня он остался ни с чем. Неудачно выбрал время для вылазки. И вот теперь его дружки не желали дать ему ни кусочка, а ведь они раздобыли себе завтрак, воспользовавшись тем, что он отвлекал внимание торговцев, безуспешно пытаясь что-нибудь стянуть со столов.

— Ну, дашь, Санни, а?

— Еще чего!

— Ты ведь всегда мне давал?

— А сегодня не дам.

— Я вправду голодный.

КУЛЬТУРА ЛИТЕРАТУРА ИСКУССТВО

— И я тоже.

Глаза, разучившиеся молить, увлажнились.

— Ты мне друг, Санни?

— Только, когда я не такой голодный.

Малец — они звали его просто малец, потому что никто не удосужился спросить его имя, да он и сам, пожалуй, его позабыл — нащупал в кармане пузырек с бензином. Бензин. Можно накапать его на грязный рукав рубахи и вдохнуть разок-другой. Тогда позабудешь обо всех горестях. От этой мысли у него перевернулся желудок. Нет, сейчас он слишком голодный. Может, потом, когда удастся поесть... Боль в желудке грызла нестерпимо: он уже не в силах был стоять, даже привалившись к стене. Голова кружилась, в ушах противно позванивало. Пелена застилала глаза, мешала видеть.

— Будь они прокляты! Будь проклята моя мать — и отец тоже! Будь проклят материн муж и отцова жена!

Его приятели молча поглядывали на него, а тринадцатилетний человек исступленно выкрикивал все проклятия, какие только знал, обрушивая их на головы своих родителей и всех, кто имел к ним хоть какое-нибудь отношение, включая отцов и матерей, их родивших.

* * *

Потребовалось почти пять лет, чтобы довести его до этого.

Все началось с первого галлона самодельного пива, принесенного матерью, вернее, с первого, который она выпила в одиночку. Это был один из многочисленных сортов мерзкого пойла, которые варят в нищих кварталах Иоганнесбурга, а потом прячут в яме, чтобы побыстрее перебродило и чтобы не проведала полиция. В ту пору матери требовалось не меньше галлона, чтобы захмелеть. Тогда она была еще крепкая. Но с каждой субботой, с каждой попойкой, длившейся всю ночь напролет, порция эта все уменьшалась. А напиться ее тянуло все чаще и чаще, после каждой трепки, которую задавал ей отец, когда она, шатаясь, вваливалась в лачугу у железной дороги близ Орландо — они именовали эту трущобу своим домом.

Упрямство матери росло. Она стала давать отцу сдачи, когда он ее колотил. Пьяная женщина и пьяный мужчина дубасили друг друга чем попало, ломали последнюю мебель в комнатушке, срывали с петель расшатанную дверь и падали в непросыхавшую лужу у порога. Глухие удары, ругань, треск разрываемой одежды. Соседи выходили поглазеть. Прохожие переступали через грязные, сплетенные, полуголые тела. Наконец кто-нибудь разнимал их. Или они уставали драться. Или сами поднимались на ноги. А там наступала ночь, и начиналось слезливое пьяное примирение... И наконец тишина. Сон. Черная пустота. Ко всему этому он привык. Он больше не хныкал в уголку, когда отец с матерью начинали драться... Потом отец стал где-то пропадать по ночам. Когда он возвращался, вспыхивали ссоры, начиналась брань и снова драки. А потом в дом повадились мужчины. Сперва они приходили поздно вечером, когда мать уже точно знала, что отец не придет ночевать. Затем отец стал пропадать по целым неделям. И мужчины являлись уже пораньше. Один, с нечесаной бородой и рубцами на лице, был особенно нетерпелив. Сперва выпивка, потом пьяные объятия... Дрожащее пламя свечи позволяло мальчику достаточно ясно видеть всю эту картину. В первую ночь он плакал долго, пока не заснул. Но это был последний раз, когда он позволил себе заплакать...

Однажды, после двухнедельной отлучки, вернулся отец. В доме уже десять дней жил очередной гость матери, и отец застал его лежащим на кровати. Что это была за драка! На сей раз все трое оказались трезвыми. Отец с распухшими губами и подбитым глазом, почти ничего не видя, собрал свои пожитки и ушел из дому.

Не станет он жить с потаскухой, клятвенно заверял он соседей.

А она не станет жить с человеком, у которого есть баба на стороне, кричала мать ему вслед, когда он выходил из дому.

Наутро мать велела мальчику звать своего очередного гостя «папой». Он отказался. Его побили. В тот раз мать побила его впервые, но потом била часто. Он не плакал, и это злило ее еще больше. Побои не прекращались; с отчаянья он решил бежать из дому и разыскать отца. Из разговора соседок, сплетничавших у колонки, он знал, что место, где живет отец, называется Джордж-Гош. Что он живет там с другой женщиной.

— Где это Джордж-Гош? — спрашивал он у ребят постарше.

— Надо доехать поездом до центра. Там пересесть на другой поезд. Сойти в Джордж-Гош — это на противоположном конце города.

Он так и сделал. Мальчонка Санни из соседней лачуги, продававший конфеты в поездах, помог ему добраться до места.

Он разыскал Джордж-Гош. Он бродил взад и вперед по узким улочкам, меж крошечных домишек, казалось, все они смотрят на него с одинаково мрачным выражением, застывшим на их одинаково грязных фасадах. Они испуганно прятались за фруктовыми деревьями, густо насаженными в маленьких палисадничках.

Здесь легко было заблудиться. Дома, улочки, даже деревья — все совершенно одинаковые.

— Тетенька, дайте кусочек хлеба!

— Проваливай.

— Тетенька, ну, пожалуйста, дайте кусочек хлеба!

— Ты чей?

— Тетенька, ну, пожалуйста, пожалуйста, дайте кусочек хлеба!

— На — и проваливай!

— Тетенька, тетенька, ну, пожалуйста, дайте кусочек мяса!

— Придется тебе его отработать, малец.

— Я отработаю, тетенька, я буду стараться.

— Заходи.

Большие вонючие чаны. — Ну-ка, перемой их все, малец. Да поживее. К вечеру они должны быть готовы для варки.

Что же она варит — пиво?

Когда солнце уже село, он стоял в воротах нетритянского поселка, обнесенного забором из колючей проволоки. Ему сказали, что другого входа в поселок нет. В ворота входили сотни людей. Отца среди них не было.

В субботу и в воскресенье, когда его хозяйка уже успевала наварить достаточно пойла и ему удавалось отойти от чанов, он бродил по улицам, всматриваясь в лица, заглядывая в каждый дворик, откуда доносился шум. Встречных он больше не расспрашивал. Он увидел отца в следующую субботу вечером. Это случилось бы раньше, если бы на заднем дворе, где пили, гоготали и орали друг на друга мужчины, не было так темно. Ему пришлось сильно потянуть отца за рукав, прежде чем тот заметил его.

Скучающий, рассеянный взгляд.

— Тебе чего, малец?

— Папа, не узнаешь меня?

Долгий взгляд покрасневших глаз; смачная отрыжка прокисшим пивом.

— Ты мой сын?

— Да, папа! — Он судорожно засмеялся. — Я тебя ищу. Сколько времени ищу!

— Хороший мальчик! — Сильная рука сбняла его за шею и так сдавила, что он едва не задохнулся. — Видишь этого мальца, Кумало? Мой сын! Давно его не видел. Из самого Орландо добрался, чтобы разыскать своего отца. Хороший мальчик. Знает, что его мать — дрянная шлюха: тащит в мою постель любого, кто принесет ей выпивку.

Он снова рыгнул, и мальчик незаметно прикрыл рукой нос и рот.

— Отец возьмет тебя домой — к себе домой. Ты не бойся. Отведу тебя к новой матери. Славная женщина. Увидишь свою сестренку.

Значит, теперь — новая мать. А прошлый раз был новый отец. Страх ледяной рукой крепко стиснул ему желудок.

Может, она не захочет, чтобы я звал ее мамой. А может, она мне понравится, и я сам стану ее так звать.

Он поддерживал отца, помогая ему пробираться по ночным улицам. Тени их, такие длинные, когда они выходили из светлого круга, отбрасываемого фонарем, все укорачивались и у следующего фонаря, при входе в другой светлый круг, превращались в коротенькие обрубки. Потом снова две длинные тени впереди. Потом — покороче. И опять обрубки.

Наконец вошли в ворота. Обогнули дом и очутились на заднем дворе. В глубине двора, у самого забора — сколоченная из жести лачуга. Сильный стук в низкую дверь.

— Кто там?

— Я.

Молчание. Лязг поворачиваемого ключа, скрип отворяемой двери, сноп света. Крошечная комнатушка. В нее втиснуты двуспальный матрац на подставках из кирпичей, шкаф с разбитым зеркалом, большой овальный стол и шесть стульев, кушетка, печка. Жарко, душно. Громко ревет младенец.

— Опять ты пьяный. А это что за грязный оборвыш?

— Оборвыш... Грязный... Ах, да. Это мой сын. От самого Орландо сюда добирался, чтобы найти своего отца!

— Так ты собираешься... Он что, будет у нас жить?

— А как же! Сын он мне или не сын?

Он прожил там три месяца. Потом ушел. Никто не просил его звать эту женщину «мамой». Но он все-таки звал ее так.

— Ну как, доволен, сынок? Нравится у отца в новой семье? А новая мать как? Славная женщина. Не то, что та шлюха в Орландо.

...Впрочем, никто не вступал с ним в длинные разговоры. Два раза в день ему давали поесть, и он мог спать на кушетке — только и всего. Но ему было мало этого: он хотел иметь родной дом, а не только место, где можно поесть и поспать.

* * *

— Хозяйка, вам сумку не поднести?

— Эй, малец! Ты чего попрошайничаешь? Здесь попрошайничать запрещено, разве не знаешь?

— А я не попрошайничаю. Хочу заработать на кусок хлеба.

— Ты еще перечить будешь! Вот я тебя сейчас арестую...

И он бежал, ныряя в густую толпу, заполнявшую рынок по воскресным утрам.

* * *

Запах жарящегося мяса висел в горячем неподвижном воздухе, явственно выделяясь из всех других запахов. Он вызывал голод и дурноту.

Сколько же это времени я здесь стою? Неужели никто не даст мне хоть крохотный кусочек мяса смочить пересохшую глотку, заглушить боль в желудке?

— Поди-ка сюда!

Он оглянулся. Какой-то худущий мальчишка. Такой же голодный, как он сам. Непомерно большая голова на тощей шее. В глазах, глубоких, блестящих, затаенный вопрос.

— Тебе чего?

— Ты голодный?

— Да.

— Пошли.

Через улицу, по полотну железной дороги, вдоль разваливающейся стены из ржавого рифленого железа. Под палящим солнцем сидит на корточках стайка мальчишек. Курят.

— Ты откуда?

— Из Орландо и из Джордж-Гош.

— Голодный? Хлеб вместе с нами воровать будешь?

— Хлеб...

— Э, да он трусит! Рохля!

— Трусишь?

— Да... Нет!

— На. Затянись разок.

Какая-то грязная свернутая тряпица, пахнет бензином.

— Положи в рот и вдохни поглубже!

Пары бензина опалили пересохшее горло. Он раскашлялся, кишки у него выворачивало. Он упал на колени, чувствуя, что сейчас его стошнит. Но изо рта вытекла только неровная струйка вспененной слюны и, повиснув на нижней губе, закачалась на ветру.

— Ха-ха-ха-ха! Вот рохля!

— Да нет, просто он очень голодный; и вообще пора раздобыть что-нибудь на обед. Ты побудь здесь, малец. Скоро вернемся, принесем поесть.

Он лег животом на сухой дерн. Казалось, засохшие стебли прокалывают пустой желудок и впиваются в позвоночник. Подбородок у него отвис. Снова позыв к рвоте. И опять ничего. После трех потуг вытекла лишь струйка слюны. Он сплюнул. Опять ничего. Крики и проклятья со стороны пивной, оттуда, где на столах разложили свою снедь торговцы. Топот убегающих ног и хриплый хохот. И вот они сидят вокруг него на корточках.

— На, ешь.

— Где вы это взяли?

— Стянули.

— А они нас тут не поймают?

— Ну да! Им нельзя от столов отойти ни на минутку.

Шайка воровала повсюду: в магазинах, у разносчиков, в кафе, на базаре. Везде, где только можно раздобыть съестное. Время от времени, когда штаны превращались в лохмотья, мешавшие им бегать, они воровали и одежду.

— Санни, а где у тебя отец с матерью?

— Не знаю. Отца арестовали, потом погнали работать на ферму.

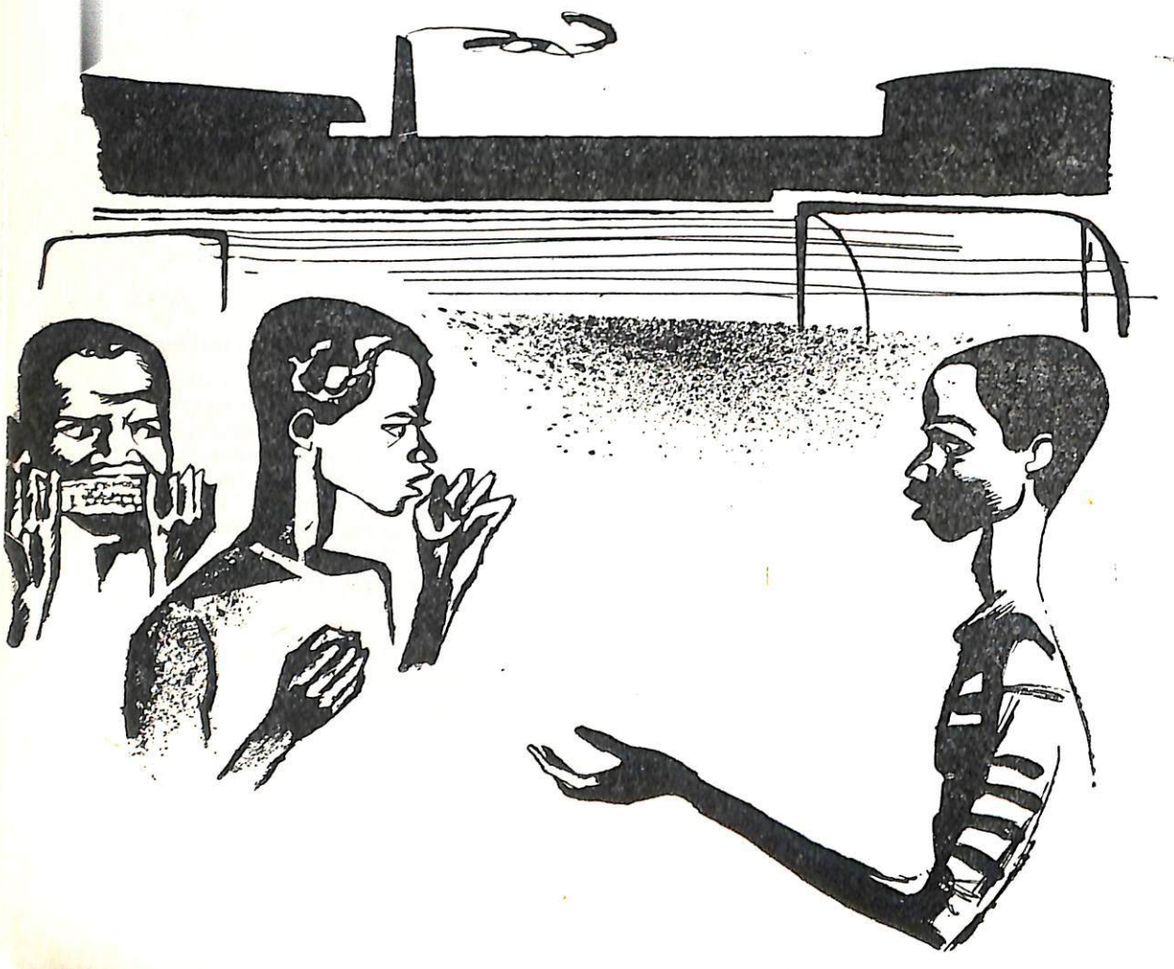
— А мать?

— Не знаю.

* * *

Он глянул вниз. Санни уже управился с мясом и прилег в узкой неровной полоске тени у проржавевшей дырявой стены. Взгляд его упал на раскаленную футбольную площадку. Спортивная площадка для негров-банту. Лучше бы назвать ее: спортивная площадка для голодных негритят. С улицы, за его спиной, доносились громкие возгласы и смех. Должно быть, сейчас около двух. Люди возвращаются на работу. Накачались пивом. Все под мухой. Санни храпел. Его грязная рожица расплылась в улыбке. Грязный вздувшийся живот ходил вверх и вниз, то показываясь в прорехах грязного отрепья, заменявшего ему рубашку, то исчезая вновь. Двое других тоже спали. Вернее, были в забытьи. Одна-две затяжки бензиновыми парами, и сон плотнее окутал их мозг, так рано познавший изнанку жизни.

Тяжелый ком на дне желудка вдруг резко повернулся, вызвав отчаянную боль. Задохнувшись, мальчик быстро сел на толстый кусок дерна. Никогда еще он не испытывал такой слабости от голода. Растянувшись на дерне, он закрыл глаза. Если я посплю, может, мне полегчает. Полежал на спине. Но затошнило еще сильнее, пустой желудок больно давил на позвоночник.



«Надо что-то сделать»,— вяло подумал он и мокрыми от слез глазами безразлично оглядел спавших приятелей. Жадины, свиньи такие, только о себе и думают! Сами дрыхнут без задних ног, а я с голоду подыхай! Вот уж их будут жечь в аду — и поделом! А что если вправду... От этой мысли, молнией мелькнувшей в голове, его бросило в холод. Он оцепенел. А что если и вправду их сжечь? Особенно Санни. Он больше всех заслужил — друг, называется! Вот устрою из него сейчас хорошее жаркое!

С лихорадочной поспешностью он полез в карман за пузырьком с бензином, вдруг испугавшись как бы безумное желание это не прошло прежде, чем он успеет осуществить его. Пальцы так ослабели, что он не смог вытащить пробку из пузырька, пришлось

пустить в ход зубы. То-то Санни струсит! Он сколько раз говорил, что боится попасть в ад. Наклонившись над Санни, он методично обрызгал его тряпье бензином, следя за тем, чтобы ни одна капля не пролилась на видневшееся в прорехах тело и не пропала зря.

— Много не буду, — решил он, — только чтобы проучить его — и хватит.

Из кармана рубашки он вытащил грязную спичку и обломок коробка, сгреб несколько грязных бумажонок, осторожно чиркнул спичкой и, заслоняя пламя ладонями, поджег бумагу. Потом подхватил горящие бумажки и торопливо набросал их своему дружку на живот.

В первый момент ничего не произошло. Потом вымахнул столб оранжевого пламени. Санни вскочил, громко воя и ругаясь, вслед за ним завопили и другие двое, разбуженные опалившим их жаром. Прежде чем малец успел подняться на ноги, Санни уже мчался по улице, не переставая кричать. Словно в дурмане, малец побежал за ним. На людной улице один из прохожих, обомлев от удивления, схватил в охапку Санни, другой — налетевшего на него мальца.

* * *

Прохладная, тихая комната с высоким красивым потолком. Сюда входят на цыпочках и говорят едва слышным шепотом. Много белых лиц и два-три черных.

С места поднимается белая женщина.

— Ваша честь, сотрудники комиссии по вопросам быта пробовали собрать данные об этом подростке, — сказала она. — Сведения очень отрывочные. Мы отыскали дом в Орландо, где жила его мать; но она переехала, и, видимо, никто не знает куда. С отцом такая же история.

— Что же вы предлагаете?

— Отправьте его в приют Виерда, ваша честь.

Сухое отрывистое чирканье пера по бумаге. Поворот головы в сторону переводчика:

— Скажи этому мальчику, что мы посылаем его в исправительный дом. Скажи ему, что если бы он был старше, то отправился бы в тюрьму: он едва не сжег другого подростка. Скажи ему, что в Виерда его научат читать и писать, он обучится какому-нибудь ремеслу, а когда вырастет, сможет выйти оттуда и стать сознательным гражданином.

Переводчик повернулся к испуганному, растерянному, чисто отмытому подростку. Рассеянно глядя поверх его головы, он повторил ему на языке банту то, что говорил уже десяткам таких ребят: кое-что из того, что сказал судья, а больше — свои собственные наставления.

— У тебя нет ни отца ни матери, мой мальчик. Никого у тебя нет, кроме самого себя. Содержать тебя никто не обязан. В приюте ты узнаешь две вещи: как добывать себе на жизнь честным, но тяжелым трудом или нечестным, но легким. Выбирать тебе придется самому... И да поможет тебе господь, потому что выбор этот сделать трудно!

Заканчивая свою тираду, переводчик уже опять стоял лицом к судье и глядел на него отсутствующим взглядом. Полисмен в форме отвел мальчика в комнату, где уже собралось несколько подростков.

— Еще один кандидат на фабрику бандитов, — на ходу бросил он стоявшему у двери стражнику и вернулся в зал суда.

Перевела с английского
С. МИТИНА

Кровью сердца

АБД АЛЬ-ВАХХАБ АЛЬ-БАЯТИ
Иранский поэт

МЫ ПРИСЛУШИВАЕМСЯ к пению соловьев, но его заглушает зловещий вой управляемых ракет. Мы хотим вдыхать аромат роз, но ветер доносит до нас запах гари от пылающих деревень Алжира, Конго, Кубы, Лаоса. Пепел Хиросимы и Нагасаки стучит в наши сердца. Гибель Патриса Лумумбы и Фараджалла Хелу наполняет нас гневом и скорбью. Нельзя оставаться безмятежным и благодушно спокойным, когда в тюремных застенках томятся Манолис Глезос и Бен Белла, когда в Анголе льется кровь африканцев, когда в Южной Африке миллионы людей связаны по рукам и ногам петлями апартеида.

Сегодня, если ты хочешь быть настоящим писателем, ты должен писать кровью собственного сердца, ты должен четко формулировать свой взгляд на будущее мира, ибо в твоем творчестве должны правдиво воплотиться человеческие надежды, чаяния и стремления.

В истекшем году воображение миллионов потрясли два героических деяния советских людей — космические полеты Юрия Гагарина и Германа Титова.

Я по-настоящему понял причины и движущие силы этих подвигов, когда внимательно прочитал величайший политический документ наших дней — новую Программу КПСС.

Когда я прочел включенный в Программу моральный кодекс советского человека, я понял, что эти нормы поведения определяют всю жизнь таких людей, как Гагарин и Титов, что по ним равняются миллионы рядовых граждан Советского Союза.

Меня могут спросить: какое отношение имеют эти рассуждения к литературе и искусству стран Азии и Африки? Самое прямое и непосредственное.

Ведь писатель любой афро-азиатской страны, которая уже завоевала политическую независимость и борется за то, чтобы выйти на верный путь строительства мирной и счастливой жизни для всех людей, неизбежно должен показать, какие люди могут строить эту новую жизнь, какими человеческими чертами и моральными качествами должны обладать строители новой жизни в странах Азии и Африки.

И в этой области, в области отношений между людьми, в области воспитания нового человека, пример советских людей оказывается для нас самым привлекательным и плодотворным.

Более того, я думаю, что избавить мир от опасности новой войны, от ядерной катастрофы, от язвы колониального рабства сумеют люди всех наций и рас, щедро наделенные теми качествами, которые сформулированы в моральном кодексе новой Программы КПСС, независимо от того, являются они коммунистами или нет.

Этим людям — героям нашего времени, созидателям будущего — я хотел бы посвятить все свои новые строки и писать их, как должно настоящему писателю, — огнем души, кровью сердца.